

**Евгений
попов:**

МЫ ПЛЫВЕМ НА РЕЗИНОВОЙ ЛОДКЕ ПО ГОРНОЙ РЕЧКЕ

Евгений Попов — один из наиболее известных современных прозаиков. Участник знаменитого альманаха "Метрополь", автор более 200 рассказов и четырех романов. Многообразие персонажей, сочетание реализма и иронии, трагизма и гротеска — все это делает его прозу ярким отражением нашей сложной, многогранной, драматичной жизни.

— Евгений Анатольевич, многие писатели сегодня жалуются на ощущение собственной ненужности, на невостребованность писательской профессии и отсутствие прежнего интереса к литературе. Вы разделяете эти настроения?

— Человек никогда не бывает счастлив. Но если бы я сказал, что мне сейчас плохо, то это была бы ложь. В 1980-м и 1981 году я регулярно ходил в прокуратуру, потому что у меня во время обыска забрали пишущую машинку, и я вынужден был объяснять, что другой у меня нет. Но там, видимо, считали, что это и хорошо. Мне кажется, что сегодня стало лучше даже коммунистам. Потому что кое-что зависит от самого человека. Наконец-то появились поколения, свободные от идеологических шор. Хотя проблемы, разумеется, существуют.

— К прежним властям, насколько я понимаю, вы симпатии не питаете?

— А за что их любить? Полагаю, что и большинство сограждан не испытывало к ним особой симпатии. Я не упертый антикоммунист, я просто не коммунист. Народ всегда был стихийным антисоветчиком. Это выражалось прежде всего в фольклоре, анекдотах. Вспоминаю старый советский анекдот: одного человека вызвали в КГБ и спрашивают: "Правда ли, что вы клеветали на советскую власть?" А он отвечает: "Я? Клеветал на советскую власть? Да пошла она к черту, эта ваша власть, чтоб я еще на нее клеветал!" Но если взяли в рабство, то что тут подлазить? А сейчас мы пытаемся жить в условиях свободы, со всеми издержками.

— Как по-вашему: писатель может позволить себе быть аполитичным?

— Писатель как гражданин может ходить с флагом, но как творец он все равно вне политики. Те писатели, которых я знаю, — и знаменитые, и незначительные — именно таковы.

— Вас как писателя открыл Василий Шукшин?

— Мои рассказы с предисловием Шукшина были напечатаны в "Новом мире", когда мне было 30 лет. До этого у меня был длительный альянс с этим журналом, примерно с 1965-го по 1976-й. Я посылал туда рассказы, их доброжелательно принимали, но не печатали. Мои друзья показали рассказы Шукшину, в то время он уже был мэтр, рассказы ему понравились, и он написал предисловие. Тем не менее они пролежали еще несколько лет и были напечатаны уже после его смерти, причем цензура почему-то искажала не мои тексты, а его предисловие.

— Кстати, не кажется ли вам, что сегодня не только Шукшин, но и другие большие писатели того

времени — Ю. Казаков, Ю. Трифонов и другие — не пользуются спросом? Пожалуй, даже и к Аксенову интерес поулег, хотя он продолжает активно работать?

— В 60-е годы Шукшин и Аксенов казались антиподами. Так вот произошла странная вещь. Теперь я вижу, что они ближе друг другу, чем это кажется. Мне очень жаль, что в наши времена и Казаков, и Трифонов незаслуженно отодвинуты в тень. Но я чувствую по настроению читателей, что их время скоро возвратится. Причина тому — качество этой литературы, в которой было все: и юмор, и трагедия...

— Известно, что вас исключили из Союза писателей... Это после скандала с альманахом "Метрополь"?

— В 1978-м мы, пять составителей (Аксенов, Битов, Искандер, Ерофеев и я), собрали альманах, который делился на две части. С одной стороны, в нем участвовали звезды литературы, с другой — малоизвестные писатели андерграунда. Альманах был отдан в Союз писателей тогдашнему руководителю Московской писательской организации, ныне директору Института мировой литературы Феликсу Кузнецову. Разгорелась жуткая идеологическая кампания, начались проработки. Нас с Ерофеевым исключили в 1979 году из Союза писателей, Семен Липкин, Инна Лисянская и Василий Аксенов вышли из Союза в знак протеста. Альманах был напечатан по-русски в американском издательстве "Ардис".

— А как вы относитесь к "Метрополю" сегодня?

— Это, на мой взгляд, литературный памятник. К нему по-разному относились в те годы. Для нас же это было чисто литературное мероприятие. Участвовали в нем люди, которые не так уж жаждали сориться с советской властью. Все это, конечно, отгорело, но мы, участники альманаха, подружились и не расстаемся до сих пор. Пути у всех разные, но это ничего не меняет. Никто из участников альманаха потом не потерялся.

— Вы сказали, что вас лишили после этого возможности печататься. То есть фактически вы превратились в так называемого андерграундного (а если по-русски — подпольного) писателя?

— Меня исключили из Союза писателей, но зато я стал свободным. Про свободу я говорю даже не в философском смысле, а просто в бытовом. Представьте ситуацию: советский писатель получает приглашение в американское посольство, допустим, на концерт джаза. Он гладит брюки, чистит ботинки, в это время ему звонят из парткома и предупреждают: вы понимаете, у нас, конечно, свобода, но мы вам

рекомендуем в посольство не ходить. И писатель снимает ботинки, наливает стакан воды и садится под портрет Ленина ругать советскую власть. А у меня таких проблем не было, я ходил туда, куда хотел.

— А не было ощущения выброшенности из жизни? Не мешало ли это писать?

— Разумеется, я страшно злился. Ведь я честно пытался печататься, не строил из себя подпольщика. У меня, как и у других писателей моего круга, была огромная папка с отказами — до сих пор храню. Не писать же я все равно не мог, какие бы настроения ни случались. Это мое естественное состояние.

Сейчас те времена вспоминаются с удовольствием — все-таки это была наша молодость. Непечатавшиеся литераторы работали кто дворником, кто кочегаром. Еще была профессия — по ночам хлеб грузить. Пили дешевое вино, потом спорили, кто гений, иногда начинали драться. Но андерграунд — это не медаль на грудь, это вынужденные обстоятельства. Я думаю, что графоманы в андерграунде было не меньше, чем в официальной литературе.

— Такого рода "приключение", как "Метрополь", с вами случилось только однажды?

— Ничего случайного, видимо, в природе все-таки нет. Меня почти не печатали с самого начала — по одному-два рассказа в год, да и то изуродованных цензурой. А написано было довольно много. Это и подталкивало.

Первый свой самостоятельный журнал я выпустил в родном городе Красноярск в 16 лет. Он был построен по тому же принципу, что и "Метрополь". Но там был указан адрес редакции, стояли фамилии авторов. Вышли три номера, а потом его разгромили. Устроили в городе большой шум, нас вызвали в горком комсомола, орали, а самым главным криминалом посчитали портрет Пастернака и статью о его стихах, а вовсе не о "Докторе Живаго". Тогда я впервые увидел, как люди не просто злятся, а себя накачивают, выпадают в своего рода фашистскую истерию. Меня в наказание тогда исключили из комсомола, но парадокс в том, что я в нем никогда не состоял. С тем же успехом меня могли исключить из какого-нибудь ордена Мальтийских рыцарей.

— А за что все-таки в начале восьмидесятых у вас отобрали пишущую машинку?

— Я и мои товарищи — Пригов, Климонтович, покойные Евгений Харитонов, Владимир Кормер и другие — собрали еще один альманах под названием "Каталог", который был также выпущен "Ардисом". Но на этот раз меры были более свирепые. Нами сразу же занялся КГБ. Прошли обыски, изъяли рукописи, каждому вручили по так называемому прокурорскому предупреждению, в котором КГБ предупреждал гражданина, что он находится на пути совершения преступления.

— Вы испытали страх или уже были готовы к такому повороту событий?

— Страх я, разумеется, испытал. Это нормальное человеческое состояние — все-таки "встреча" с тоталитарной структурой, которой ничего не стоит тебя раздавить.

— У вас уже были в связи с этим какие-то мысли о будущем?

— Я хотел жить на родине, поскольку это моя страна. Так что после 1980 года, когда вышел "Каталог" и там же в "Ардисе" моя пер-

вая книга прозы "Веселие Руси", я лег на дно и больше на Западе в те годы не печатался — вполне сознательно. Правда, где-то к году 1984 стало подступать отчаяние: сколько еще это может продолжаться?! Я же много писал.

— Вы известны не только как рассказчик, но и как автор нескольких романов. Вы называете их пародийными или полупародийными. В чем это выражается?

— Я не ставлю задачи специально что-то пародировать (это, скорей, дело писателя-юмориста), а просто жизнь так устроена: что ни напиши, получается пародия, а иногда и сама жизнь становится пародией. А вообще принцип работы у меня такой, чтобы самому было интересно. Можно говорить просто о самых сложных вещах.

— Многие ваши персонажи воспринимаются как гротесковые. В них есть странность и непредсказуемость, которые, видимо, привлекали в ваших произведениях Шукшина.

— Я ведь не очень много и придумываю. Все зависит от угла зрения. Иногда человек пыжится вояком, важничает, а производит исключительно комическое впечатление. А потом жизнь была и есть настолько дикая, что иногда я, исходя из художественных задач, даже приглушаю краски, потому что иначе мне наверняка скажут: это слишком искусственно.

— А где вы берете материал для произведений?

— Я приехал в Москву из Сибири поступать в Литературный институт. Но ходу мне не было, поскольку у меня не было так называемого трудового стажа, я не был комсомольцем, да и характеристика из школы была довольно плохая из-за той самой истории с самиздатским журналом. Мне посоветовали реально посмотреть на жизнь и не трагить зря время. В итоге я поступил в геологический, и несколько не жалею. Там было больше свободы. А главное, были длительные полевые практики, которые, конечно, дали мне много материала. В экспедициях, особенно на Севере, собираются страшно любопытные типы, с невероятными судьбами, каких в книгах не вычитаешь. Оттуда все мои персонажи — бомжи, бродяги...

— Сейчас вас довольно много издают, переводят, словом, к вам пришел успех. Как вы к этому относитесь?

— Я рад, что стал нормальным литератором, могу зарабатывать деньги литературным трудом. Что мне не надо идти куда-то на работу, а потом ночью писать. Хотя и сейчас пишу ночью — привычка.

Я себя не переоцениваю и не недооцениваю. Мои писания находят спрос. Меня знают. Я получаю письма. Спасибо. А что касается сегодняшней жизни, то у меня нет эйфории, но нет и пессимизма. Наша жизнь после начала перестройки похожа на плавание в резиновой лодке по горной речке. Доплывем или не доплывем — вот постоянный вопрос. Уже были два путча, идиотская война в Чечне. И все-таки мне кажется, что-то меняется к лучшему, остаются горячие головы. Нелзя все время жить в состоянии конфронтации. Подрастают дети, они безвинны, они доверчиво смотрят на нас. Как же можно делать глупости, угрожающие будущему? С этой точки зрения я и смотрю на жизнь.

Беседу вел
Евгений ШКЛОВСКИЙ.

Трещ. — 1998 — 14 февр. — с. 5

36